

Когда утренняя заря наконец окрасила оконные переплеты в золотистый цвет, дремота накрыла его, словно мантия-невидимка. Он рухнул в пуховое одеяло, и последним, что услышал, был шорох: это флоббер-червь сметал остатки ледяного лакомства в цветочный горшок.

Пробуждение в шесть тридцать

В шесть тридцать тело Джейми дернулось, словно от рывка невидимой нити, и он резко сел на кровати. Сердце тяжело колотилось в груди, дыхание было частым и сбивчивым — это был отпечаток одиннадцати лет жизни, когда каждое утро начиналось либо с ледяной воды, которой его обливал приемный отец, либо с того, что его стаскивали с постели за ноги.

Он машинально потянулся к подушке, но, коснувшись пальцами мягкого пуха, вспомнил: флоббер-червь спит, раскинув лапки, в зарослях лунной травы. Оглядевшись, он понял: в спальне Пуффендуча так тихо, что слышно, как солнечный свет струится сквозь пылинки. Никакой брани, никакого грохота в дверь, никакой опасности, от которой нужно немедленно прятаться.

На прикроватной тумбочке стрелка маленьких латунных часов только что перевалила за половину седьмого. Снейп вчера небрежно швырнул их ему:

— Если ты снова начнешь клевать носом на зельеварении из-за того, что не выспался...

Джейми ступил босыми ногами на ковер и, открыв шкаф, на мгновение замер. Все мантии висели ровно, рукава были отглажены до идеальных стрелок — работа домашних эльфов, он знал это. Но в самом дальнем углу висела черная мантия, шов на рукаве которой был прошит как-то небрежно, словно кто-то кое-как заделал разрыв с помощью заклинания Репаро.

Когда он закончил умываться, то обнаружил, что флоббер-червь уже забрался на стол и пытается с помощью часов вернуть время на шесть ноль пять. Малыш сердито тыкал лапкой в циферблат, а потом похлопал себя по щекам, на которых отпечатались следы от подушки.

Подхватив флоббер-червя и сунув его в карман, Джейми пошел прочь. Утренний свет, проходя сквозь витражи, ложился на длинные столы яркими цветными пятнами. Следуя вчерашним воспоминаниям, он прошел по лестницам, меняющим свое положение, и на три секунды замер у угла со статуей горгульи — там появилось новое растение: хищный цветок, который постоянно зевал, явно работа профессора Спраут.

Утренний Большой зал

В зале было лишь несколько студентов Когтеврана, уткнувшихся в книги. Призрак Когтеврана, Дама Грей, парировала над столом, с отвращением глядя на тарелку с тостами. Джейми сел в самом углу стола Пуффендуча, и перед ним на золотом подносе тут же появились яичница и бекон.

Слишком тихо.

Он смотрел, как края бекона медленно сворачиваются, а жир собирается на дне тарелки маленькими озерцами. Звук соприкосновения ножа и вилки казался в пустом зале оглушительным. Флоббер-червь высунул голову из-за воротника, принялся и разочарованно спрятался обратно — он явно искал привычный горьковатый аромат зелий из Паучьего тупика.

— Хочешь попробовать тыквенный сок? — внезапно раздался голос Седрика. Староста Пуффендуча сел рядом с кружкой молока, на его волосах еще блестела утренняя роса с поля для Квиддича.

Джейми сделал маленький глоток: приторный вкус заставил его слегка поморщиться. Вдали за столом преподавателей начали собираться учителя, и когда в дверях показалась фигура в черной мантии, он невольно выпрямился.

Снейп обвел взглядом зал, на мгновение задержавшись на столе Пуффендуча. К преподавательскому столу он шел чуть быстрее обычного, и при взмахах его мантии в воздухе разливался знакомый горький аромат.

Профессор Флитвик заметил его состояние:

— Дорогое дитя, если в зале слишком тихо, можешь сесть рядом с Толстым Монахом — он вечно рассказывает за завтраком средневековые шутки.

— Послушай, старшекурсник, ты не знаешь, как пройти в кабинет зельеварения?

— Конечно, пойдем, я тебя провожу.

Напряжение на уроке зельеварения

Когда дверь кабинета распахнулась от потока воздуха, созданного черной мантией, в лицо ударил холодный воздух, пропитанный горечью трав. Снейп, словно огромная летучая мышь, пронесся мимо рядов котлов, книга с баллами вертелась в его бледных пальцах, прежде чем отправиться в бездонный карман мантии.

— Откройте Магические отвары и зелья на третьей странице, — его голос был холоднее камней в подземелье. — О шести свойствах Напитка живой смерти... Поттер!

Гарри резко поднял голову, в его зеленых глазах за очками промелькнула растерянность.

— Если я добавлю порошок корня асфоделя в настойку полыни...

Джейми смотрел на едва теплящийся огонь под своим котлом, вспоминая дождливую ночь в

Паучьем тупике, когда Снейп, постукивая палочкой по тому же самому рецепту, заставлял его зубрить: Порошок корня асфоделя при смешивании с настойкой полыни дает инертные пузырьки, ты, троллий мозг, неужели не можешь запомнить?

Рука Гермионы поднялась, как флагшток, пальцы побелели от напряжения. Снейп скользнул по ней взглядом, словно по незначительному жуку. Когда Гарри замялся, не зная, откуда берется безоар, на губах профессора появилась почти довольная улыбка.

Пальцы Джейми сжались на потрепанных страницах учебника Продвинутого зельеварения. Ногти впились в ладони, и он робко поднял правую руку — лишь до уровня плеча, словно лапку флорбер-червя, исследующего чужую среду.

По классу пронесся вздох изумления. Снейп резко обернулся, его черная мантия взметнулась черным вихрем перед столом Гарри. Его взгляд впился в Джейми, в темных глазах бурлило что-то трудноопределимое.

— Мистер Ислин, — это слово прозвучало так, будто его соскребли со дна котла. — У вас внезапно проснулась тяга к самовыражению, или вы решили взять на себя последствия глупости Поттера?

Джейми сглотнул. Он видел, как левая рука Снейпа бессознательно поглаживает палочку — это была его привычка во время раздумий, она проявлялась, когда он варил сложные зелья или правил домашнюю работу Джейми.

— Безоар... — его голос звучал, как взмах крыльев мотылька, запертого в бутылке. — Это камень, извлеченный из желудка козы, сэр.

Зрачки Снейпа слегка сузились. В классе стало так тихо, что было слышно, как дрожат медные весы Невилла.

— Пять очков Пуффендую, — эти слова прозвучали как принудительно извергнутый яд. — За ваше редкое... предварительное изучение материала.

М-да... вставать рано — не к добру, по крайней мере, сейчас.

Вторую половину урока Джейми держался только на силе воли.

Сон после зельеварения

В тот момент, когда школьный звонок пронзил воздух, Джейми, словно лишенный костей пушистик, бессильно осел на стол. Стоило щеке коснуться холодного камня, как он услышал грохот — это Невилл в панике пытался поймать котел, а также едкие насмешки Драко Малфоя, но все это быстро превратилось в далекий шум подводного мира.

Его веки тяжело сомкнулись, и последним, что запечатлелось в сознании, был мелькнувший в дверях подол черной мантии Снейпа и рука Гермионы, которая потянулась к нему, но тут же отдернулась. Флоббер-червь высунулся из кармана и тревожно забил лапками по его запястью, но даже это крошечное прикосновение погрузилось в темноту.

Он провалился в бездонную пучину без сновидений.

Солнечные блики, пробивавшиеся сквозь высокие окна подземелий, отражались на воде, задавая ритм его ровному дыханию. Перо выпало из разжавшихся пальцев, оставив на раскрытой книге Продвинутого зельеварения кляксу — она как раз размыла рукописную пометку Снейпа рядом с рецептом Напитка живой смерти: Учил тебя трижды, еще раз ошибешься — оставляю после уроков.

Голоса в классе постепенно затихали. Сестры Парвати обсуждали новое пророчество Трелони, Рон жаловался на зловоние зелья от фурункулов, Гарри, собирая сумку, случайно опрокинул медные весы соседа — а Джейми оставался неподвижен, словно на него наложили Петрификус Тоталус.

Из щели в двери кабинета в подземелье на спящего мальчика смотрели черные глаза.

Три часа спустя Джейми проснулся в пустом классе, где только лучи полуденного солнца вытягивали на полу длинные тени. Он потряс тяжелой головой, и пальцы коснулись чего-то тяжелого и шерстяного — это была черная мантия Снейпа, которая теперь, словно сгусток ночи, укрывала его плечи.

Флоббер-червя нигде не было, на столе осталась записка с объявлением. Джейми запихнул в рот холодный тыквенный пирожок; от остроты корицы он чихнул. Когда он поднял мантию, его окутал густой аромат полыни и чернил из драконьей крови, а на рукаве виднелись свежие следы сока флоббер-червя.

Он прокрался в спальню Пуффендуя, как воришка.

По пути ему встретился Филч, который во весь голос ругал какого-то гриффиндорца, взорвавшего туалет. Джейми, уткнувшись лицом в мантию, быстро проскочил мимо. Мантия была слишком длинной, ее подол волочился сзади, как черный хвост.

Вернувшись в пустую спальню, он разложил мантию на кровати. На левой подкладке был разрыв, обнажавший потайной карман, по форме напоминающий пузырек из-под зелья — Джейми узнал место, которое на прошлой неделе прогрыз флоббер-червь, но теперь оно было зашито кривыми стежками с нелепыми узлами.

Лунная трава на подоконнике тихонько светилась синим, словно шепчась. Джейми зарылся лицом в воротник мантии и глубоко вдохнул. Здесь не было подземельной сырости, только запах пергамента из кабинета в Паучьем тупике и дымок от зелий, которые варились долгими

ночами.

Джейми рухнул в пуховое одеяло, продолжая крепко сжимать широкую мантию. Ткань сохранила холод подземелий, но странным образом источала успокаивающий горький аромат. Он, словно птенец в гнезде, зарылся лицом в воротник, где сохранился самый концентрированный запах — пергамент, чернила из драконьей крови и нечто холодное, присущее только Снейпу.

Сон накатил, как прилив.

Его пальцы машинально сжимали заплатки на рукавах, грубые нитки кололи кожу. На грани забытья ему показалось, что он снова в кабинете в Паучьем тупике: отблески каминного огня пляшут на черной мантии, а шорох пера по пергаменту звучит как убаюкивающий шепот. Иногда к его руке пододвигали чашку теплого молока, под дном которой лежала записка с комментариями к зелью.

Флоббер-червь неизвестно когда вернулся, весь перепачканный в пыли лунного камня. Он зашуршал, забираясь под одеяло, нашел удобное местечко в складках мантии и издал довольный щелчок.

Сны были обрывочными.

Ему снилось, что он стоит в пустом Большом зале, и черная мантия Снейпа служит барьером, отделяющим его от шумной толпы. Снилось, как на уроке зельеварения та самая бледная длинная рука показывает ему правильный угол для нарезки ингредиентов. Снилось, что пришел его приемный отец и забирает его отсюда.

Лунная трава на подоконнике слегка покачивалась, синий свет слабел, как медленно гаснущий очаг. В Хогвартсе царила полуденная тишина, лишь изредка нарушаемая бормотанием персонажей на портретах, криками далеких сов и шумом из Большого зала.

В кабинете в подземелье Снейп смотрел на кипящий котел и внезапно взмахнул палочкой. В воздухе возникло серебряное зеркало, отразившее сцену в спальне Пуффендуя: мальчик, свернувшийся калачиком на кровати, крепко обнимает черную мантию, которая поблескивает в лунном свете. Уголок губ профессора зельеварения слегка дрогнул, и он добавил в котел еще щепотку корня валерианы.

Когда в полдень Снейп появился в Большом зале, на нем была запасная мантия — она была тоньше и меньше той, первой. Очевидно, что та была похищена маленьким воришкой.

<http://bllate.org/book/20825/2096168>